

Автор: Галина УЛЬЯНОВА

Сейчас трудно себе представить время, когда не было дач. А между тем, **дачи** — довольно **молодое явление** в мире недвижимости — ему каких-то лет сто пятьдесят.

СНЯТЬ ДАЧУ В КУНЦЕВЕ ЗА 400 РУБЛЕЙ

Особой надобности в дачах как массовом явлении примерно годов до 1850-х не было. Были дворяне с обязательными родовыми поместьями, были крестьяне со своими «утлыми» хижинами. Эти два мира соприкасались, но не пересекались.

Но жизнь не стояла на месте. Под натиском социально-экономических катаклизмов, таких как рефор-

мы, революции, развитие рыночных отношений, жесткая иерархия распалась и выветривалась. Структурообразующим фактором вместо натурального обмена становились денежные знаки. Во второй трети XIX века в России возник целый слой людей — чиновников, творческих интеллигентов, инженеров, врачей, профессоров, которые не были,

увы, отягощены семейными усадьбами (как, впрочем, и городскими особняками), но, однако, желали летом выезжать на природу, любоваться цветами, бабочками и слушать нежный щебет птиц.

На покупку имений, да с землей, достаточных сумм у этой публики не было, а вот на аренду (а в благоприятном случае и покупку) не крупного,

но помещицкого дома можно было и раскошелиться.

Возьмем, к примеру, москвичей. Лет сто двадцать назад вся Москва помещалась в пределах Садового кольца, впрочем, выдаваясь небольшими отростками в стороны. И первые дачные местности были: Сокольники, Кунцево, Кусково, Люблино, Гиреево, Измайлово и так далее. Писатель Алексей Ремизов дал точную топографию: «Вот уже с конца мая... вся Москва переселилась на дачи, кто в Сокольники, кто в Кунцево, кто в Останкино, а с Таганки в Кусково и Царицыно — места, освященные русской литературой: Тургеневым, Писемским, Лесковым».

Вот одна из историй дачной жизни. Богатые московские кожевенные фабриканты Бахрушины впервые сняли дачу в Измайлове, когда семейный доктор посоветовал им вывезти «куда-либо в сухое место, с сосновым лесом» переболевшего зимой дифтеритом двухлетнего сына Юрочку. Отец его, Алексей Александрович, затрачивал огромные средства на пополнение основанного им театрального музея, но не имел собственной недвижимости в Подмосковье, ведь до этого Бахрушины чаще отдыхали в Ницце или в Испании. Но, чтобы не страдал бизнес и отец семейства ежедневно мог бы ездить из летней резиденции к себе на фабрику, находившуюся в переулках за Павелецким вокзалом, была найдена дача в Измайлове. На следующий год Бахрушины поняли, что приохотились к загородному житью и стали искать подходящее место. Надо сказать, что во время измайловских каникул семейство увлеклось рыбной ловлей и мечтало вновь предаться этому релаксному занятию. Пообщавшись с родственниками и знакомыми, выяснили, что приличные караси водятся в пруду в Старом Гирееве, и направили свои стопы туда. С хозяевами Торлецкими удалось быстро договориться, и последующие несколько лет Бахрушины провели в Гирееве — сначала Старом, потом в Новом.

Выросший Юрочка — известный потом театровед Юрий Александрович Бахрушин, — ведя после 1917 года вынужденно аскетический образ жизни в московской коммуналке, с трепетом вспоминал канувшие безвозвратно черты дореволюционного быта: «Дорогое, милое Гиреево, давшее мне впервые вкусить все прелести русской

вольной природы! Дач в Гирееве было несколько, да, собственно говоря, это были даже не дачи, а деревянные домики, выстроенные для кого-то по прихоти помещика и затем заброшенные. Налево — церковь, какие-то флигеля, заросли акаций и сирени, сзади древний парк с причудами, затем огромный деревянный барский дом, нарядный новенький коттедж, где жил сам владелец, сын Торлецкой (так писал эту фамилию Бахрушин), затем службы, скотные дворы, амбары, птичники. Напротив главного дома простирался огромный бархатный луг, окаймленный зеленовато-голубыми лесами

ей и электричеством. Юрий Бахрушин в своих мемуарах дал трогательный портрет этого охочего до полнокровной жизни гурмана загородного житья: «Вечером он любил сидеть на балконе своего дома, пить чай с близкими и смотреть на расстилающееся перед ним поле, на возвращавшихся с работ на его полях многочисленных пололок и косарей. Зачастую он останавливал их, заводил граммофон (тогда это была новинка) и заставлял их плясать. Затем он пригоршнями бросал в толпу золотыми. Сказывали, что он любил шутить над местным урядником, давая ему закуривать, зажигал сторублевую кре-

“ Вот уже с конца мая... вся Москва переселилась на дачи, кто в Сокольники, кто в Кунцево, кто в Останкино, а с Таганки в Кусково и Царицыно — места, освященные Тургеневым, Писемским, Лесковым ”

с гигантским многовековым дубом посередине. Далее дорога вела через перелесок мачтовых сосен к двум огромным прудами, покойным обиталищам дородных диких уток и степенных, жирных карасей».

Закончим, пожалуй, на этом цитату. Но о колоритной фигуре хозяина одной из первых ближнемосковских дачных местностей Торлецком стоит сказать особо. И вот почему — именно он, один из московских тогдашних новых русских, отчего-то невзлюбил старый барский дом (может быть, после вояжей в Европу?) и построил себе комфортный коттедж в английском стиле, снабдив его всевозможными для рубежа XIX–XX веков новшествами: водопроводом, канализаци-

дотку от пламени свечи». Вот видите, а мы-то наивно думали, что все подобные фортели с киданием денег в толпу и прикуриванием от банкнот изобрели нынешние «новые русские».

Жена поэта Бальмонта Екатерина, происходившая из известной купеческой семьи, вспоминала о 1880–1890-х годах: «Мать снимала помещичий дом под дачу. Каждое лето в другом месте. Таким образом, я прожила двенадцать лет в разных старинных усадьбах, одна красивее другой. Так как наша семья была большая (12 детей и прислуга — Г. У.), то дом требовался помещицкий, и непременно с условием при его найме... ставилось — чтобы местность была красивая, чтобы были река, лес, прогулки. Так мы жили у кня-

зей Вяземских в их доме в Астафьево, у Хвошинских в Волинском имении, у Лермонтовых в усадьбе в Семеновке, у Новиковых в Майданове, у генерала Роопа в Леонове, у Торлецких».

Но не у всех были высокие эстетические запросы и социальные амбиции. Ведь, в конце концов, счастье возможно и без ощущения себя помещиком.

Как и сейчас, главную роль при выборе аренды летнего загородного жилья играла цена и удаленность от города.

В Сокольниках в начале XX века «дачи В. А. Садомова по Алексеевскому проезду» сдавались всего лишь за 300, 200 и 100 руб. за весь летний сезон. Дача в Пушкине — 10 комнат, меблированная, со всеми принадлежностями,

отдельным парком и электрическим освещением сдавалась на лето 1907 года за 700 руб. На тот же сезон за 4650 руб. сдавалась «дача-особняк по Московско-Ярославской железной дороге, станция Болшево, в 15 мин ходьбы, в имении Елизаветино-Городище, Жуковка тож». Хозяйство в Болшево предлагалось развитое и разнообразное: 9 комнат, особая (надо понимать, в отдельном домике) кухня, флигель для прислуги, конюшня, сараи, погреб. Хозяином этой «роскоши» был известный магнат-шелкотоделец Сапожников, и интересующимся предлагалось обращаться для переговоров в его магазин на Красной площади. Сапожников, вообще, много и охотно покупал земельные угодья вокруг своей шелково-парчовой фабрики в районе Мытищ, строил усадьбы и сдавал их в аренду — сначала родственникам, а потом всем, кто готов платить установленную цену.

А некий предприимчивый господин Петров, видя ажиотаж горожан, не поленился построить целый дачный поселок под громким названием «Курорт-поселок». Вот его реклама все в той же газете «Московский листок» (1907 год): «3 версты от станции Белые Столбы Павелецкой железной дороги. Все удобства. Сдаются 20 дач, все ме-

блированные, от 60 до 800 руб. в лето. Полный пансион от 45 руб. в мес. Осмотр на месте. Описание, план, фотографии высылаются бесплатно». Вот какой комфорт — не хочешь нанимать кухарку — тебе по сходной цене будет готовить и доставлять горячую еду специальная служба этого поселка. И это газетное объявление даже можно воспринимать как своеобразную отповедь тем, кто огульно охаивает российские реалии и думает, что такие выгодные условия придумали недавно современные финны в своих коттеджных поселках, а не сто лет назад в нашем скромном родном Подмосковье.

Если зимой газетные объявления о продаже и аренде загородной недвижимости были несколько расплывчатыми, то уже в начале апреля истомившийся за бесконечную среднерусскую зиму клиент был поставлен перед четким реестром платы. Риэлторская контора Косякова на летний сезон 1912 года сдавала дачи по следующим расценкам: в Кускове — 5,5 тыс. руб.; в Немчиновке — 5 тыс. руб.; в Новогирееве — 6 тыс. руб.; в Серебряном Бору — 3–6 тыс. руб.; близ Кубинки — по различным ценам; в Быкове — 8,5 тыс. руб.; в Люблине — 12 тыс. руб.; в Томилине 6 тыс. руб.; в Лианозове — 9,5 тыс. руб.; в Алупке — 27 тыс. руб.

Для сравнения, скажем, что поездка семьи знаменитого богача Михаила Абрамовича Морозова

за границу (с семьей и прислугой) обошлась в 18364 руб. 5 коп., наем дачи в Проскурове 2398 руб. 25 коп., наем дачи в Крыму — 4977 руб. 40 коп. То был 1901 год, и если даже считать, что за десять лет цены выросли, то цена за аренду недвижимости для отдыха поднялась, в основном, за счет увеличения комфорта. Мелкий же бизнес, что называется, и тут не дремал: «Ватер-клизеты с постановкой — 27 рублей, для домов, дач. Скидка с цен до 20%» (объявление 1912 года).

Но тот, кто не боялся расстояний, мог вместо того, чтобы снять на лето «элитную» дачу в ближнем Подмосковье,

держались на Звенигородском и Казанском направлениях — наиболее обжитых, привычных, благоустроенных. (К слову сказать, ушедшая в мир иной несколько лет назад в возрасте 93 лет моя знакомая старушка с восторгом вспоминала, как в 1915–1926 годах она с родителями отдыхала в Малаховке и каталась с друзьями на роликовых коньках на тамошнем «скетинг-ринге», о чем забыть не могла всю оставшуюся жизнь, включая голодноватый период военной эвакуации в Башкирии в 1943–1944 годах.)

«Московская Швейцария», раскинувшаяся на землях Звенигородского

В Сокольниках в начале XX века «дачи В. А. Садова» сдавались за 300, 200 и 100 руб. за лето. Дачу в Пушкине из 10 комнат, с мебелью, парком и электричеством можно было снять на лето за 700 руб.

вложить деньги в покупку. Вот подходящий вариант (1907 год): «Небольшое именье, усадьба-дача продается за 7 тыс. руб. От Москвы 2 часа езды по железной дороге. От станции Фаустово Московско-Казанской железной дороги 5 верст. Земли пахотной и луговой 18 десятин, фруктовый сад, от Москва-реки полверсты, строения застрахованы в 5 тыс. руб.».

Как и сейчас, самые высокие цены на аренду и покупку загородного жи-

езда, с XVI века считалась местом престижным — ведь именно здешние живописные «дворцовые» земельные угодья раздавали московские цари своим ближайшим сподвижникам. И, например, селом Уборы (Спаское) с 1610 года владели Шереметевы, село Большие Вяземы в конце XVI века принадлежало Борису Годунову, Введенское (Першино) было пожаловано за военный подвиг князю Дмитрию Пожарскому (сначала подмосковная

земля как признание заслуг, а уже потом, двести лет спустя, был поставлен монумент на Красной площади ему и Минину, чтоб народ не забывал).

А уж как любил «Рублево-Успенское направление» (выражаясь на нынешнем дачном жаргоне) выдающийся наш царь Алексей Михайлович, тот, который получил прозвище «Тишайший» за свой спокойный нрав, — и охотился он в XVII веке здесь в обильных лесах да на заливных лугах, и богомолье совершал в Саввино-Сторожевский и Ново-Иерусалимский монастыри. Отцу же своей второй супруги Натальи Кирилловны Нарышкиной в знак особого расположения подарил Алексей Михайлович села Кунцево, Фили и Покровское.

Одним из первых москвичей, занявшихся дачным бизнесом (и что характерно, на Рублево-Успенском направлении), был миллионер Козьма Терентьевич Солдатенков (тот самый, который подарил Москве 2,5 млн руб. на больницу, ныне Боткинскую). В 1849 году он купил у наследников Нарышкиных усадьбу Кунцево, славящуюся столетними аллеями и ампирическими беседками. Поблизости устроил дачный поселок на 15 дач.

Сдавал не всякому-якому, а людям проверенным — культурным московским бизнесменам. Побудут они, скажем, месяц-другой в Биарицце или в Монте-Карло, возвращаются в Москву, поближе к делам своего бизнеса, и снимут для себя и семей-

ства дачу в Кунцево. Наиболее интересных и содержательных собеседников Солдатенков мог пригласить благостным подмосковным вечерком к себе на чай — побеседовать о жизни, литературе и искусстве. Ведь «для души» банковский воротила и член правлений нескольких крупнейших российских текстильных фабрик собирал коллекцию картин и издавал научно-популярные книги. Пища для ума ему была необходима как воздух. По словам одной мемуаристки, Солдатенков «по зимам жил больше в Риме, много путешествовал, летом лишь наезжал

в Кунцево, где в его дворце... гостили художники — римские друзья».

И дачники Солдатенкова были под стать хозяину — в 1870–1880-х годах это семьи текстильщика-мецената Павла Михайловича Третьякова, знаменитого булочника Филиппова, коллекционера Матисса, Гогена и Пикассо — Сергея Ивановича Щукина, придворных меховщиков Сорокоумовских, текстильных фабрикантов Морозовых-«Тверских», крупнейшего биржевика Григория Крестовникова с женой (кстати, родной сестрой Саввы Морозова), звезды Малого театра актера Шумского.

В Кунцево была и своя местная традиция — ежегодно 29 июня происходило народное гулянье в парке и чайной роще.

Родовая аристократия сначала негодовала — под натиском «купцов козопузых», казалось, искореняется лелеемая в течение всего XIX века субстанция рафинированной усадебной культуры. Но со временем наиболее дальновидные представители русского нобилитета сами поддались мощному напору жизни и пустили в арендный оборот свои, прежде неприступные, цитадели-усадьбы.

3 мая 1907 года княгиня Шаховская-Глебова-Стрешнева дала в газете «Московский листок» объявление следующего содержания: «Сдаются дачи при селе Покровское-Стрешнево в 8 верстах от Тверской заставы, меблированные, от 100 руб. до 2500 руб.

КУСТАРНЫЙ МУЗЕЙ
МОКНОВСКОГО ГУБЕРНСКОГО ЗЕМСТВА.
Леонтьевский пер., д. С. Т. Морозова. Телефонъ 1264.
ДАЧНАЯ ПЛЕТЕНАЯ
МЕБЕЛЬ.
КРОВАТИ.
КРОКЕТЫ.
ГАМАКИ.

Местность восхитительная, высокий берег, сосновый парк. Купанье на реках Химке и Москве». В 1860-х годах дачи в Покровском-Стрешневе сдавались только своим, например, кремлевскому врачу Берсу, к дочери которого Сонечке ходил сюда (пешком и ежедневно в течение августа 1862 года) гулять в широких аллеях парка поклонник, а потом и жених — молодой граф Лев Николаевич Толстой. В дневнике Толстой писал: «Пошел к Берсам пешком, покойно, уютно. Девичий хохот». На дачу в Покровское-Стрешнево тянуло 34-летнего графа, но ночные размышления проходили в сомнениях — жениться или не жениться. 29 августа записал в дневнике: «Скверная рожа (это обращение к себе — Г. У.), не думай о браке, твое призванье другое». 13 сентября — «Каждый день я думаю, что нельзя больше страдать... и каждый день я становлюсь безумнее. Завтра пойду, как встану, и все скажу или застрелюсь». Менее чем за три недели пройдя путь от иронического наблюдения за будущей женой до крайней влюбленности, 16 сентября будущий наш классик сделал предложение. Можно предположить, что романтические ландшафты Покровского-Стрешнева способствовали развитию любовных чувств Льва Толстого.

Спустя пятьдесят лет не только придворные врачи или графы становились дачниками на фоне покровско-стрешневских пейзажей — любой гражданин «при деньгах» мог поселиться на лето в чудесном месте, обжитом и обустроенном за двести с лишним лет боярами Стрешневыми и их потомками. А предприимчивая княгиня Шаховская-Глебова-Стрешнева, получая немалые деньги от дачного бизнеса, без напряжения удовлетворяла все свои прихоти миллионерши — имела собственный

Но вернемся к дачам.

Постепенно дачная жизнь настолько вошла в привычку москвичей и жителей других больших городов, что и люди весьма среднего достатка обязательно выезжали из городских кварталов куда-нибудь «на природу». Среди небогатых дачников был, к примеру, отец одиннадцати детей Николай Тихомиров — скромный клерк конторы текстильной фабрики Саввы Морозова, по сословному статусу — московский мещанин. Работал он в Трехсвятительском переулке близ Покровки, денег на по-

Переезд на дачу был одним из ярчайших впечатлений. Обычно он происходил между 1 и 8 мая по старому стилю (13–21 по новому). Это было серьезное дело, близкое к театральному зрелищу

железнодорожный вагон для поезда по Европе и яхту для прогулок по Средиземному морю. Княгиня, правда, и в Москве «не терялась» — на территории родовой усадьбы на Большой Никитской, 19, построила театральное здание и сдавала его в аренду разным антрепренерам (в последние годы там размещался Дом медузы, а сейчас театр «Геликон-опера»).

купку собственного домика в Москве не было — снимали квартиры, комнаты на три, в районе Басманных или Таганки, чтоб пешком можно было добраться до Трехсвятительского.

Сын Тихомирова Михаил, ставший в советское время известным историком-академиком, писал: «Были и другие причины, по которым мы жили, как правило, в плохих квартирах. Они заключались в одной особенности жизни небогатых москвичей того времени. Каждую весну, примерно в апреле или в начале мая, в Москве совершалось своего рода «вавилонское переселение». Небогатые квартиранты бросали свои квартиры и со всем скарбом переселялись на дачи. На квартирной плате экономили рублей по 100 за все четыре месяца, да и московскую квартиру не надо было сторожить. Под словом «дача» понималась какая-нибудь крестьянская изба, которая снималась на четыре месяца, после чего снова подыскивалась квартира в Москве». Десять верст (10,6 км) от столицы считались достаточными, чтобы жить на свежем воздухе. В 1900-х годах Тихомировы снимали дачи в Кучине, Салтыковке, но больше всего любили Курскую железную дорогу, где несколько лет жили в Печатниках, которые тогда были простой деревней, с несколькими специально для аренды построенными дачами, а потом в Перерве, на живописном берегу Москва-реки. Привлекала близость

Сдается и продается особняк о 15 жилых комн., 2 кухни, кладовая, чуланы и пр. прачечная, сарай, 2 погреба, конюшня на 4 лошади, каретный сарай, коровник, бол. сад, канализация и водопровод. Наемная цена 4,500 руб. в год. Покровка, уг. Введенского и Дегтярного пер., д. № 12. 10477-3-1

ДАЧА. Отъ ст. Ярцево 18 вер. отдается дача. Прекрасное местоположение, лес, рѣка и пруд. Ц. 200 р. Подробности въ книжкѣ торговца П. Яковлева, противъ Тверской части. 10412-2-1

10028

ДАЧИ

отдаются отъ ст. Бутово Моск.-курск. жел. д. въ 7 верст., въ имѣніи Воскресенскомъ, дачи меблированныя, со всѣми удобствами, мѣстность здоровая, гористая, хорош. купанье. Справиться въ магазинъ Бѣлкина, на Кузнецкомъ Мосту. Телеф. № 41-14.

Отдаются дачи и барскій домъ въ имѣніи Носовой до Рязан. ж. д., ст. Люберцы. Всѣ удобства, купанье и большой парк. Подробности на мѣстѣ или Поларская, Трубиновъ пер., д. Суходольского, кв. 9 отъ 1—6 ч. 10189-2-2

Имѣніе „Вирот-поселок“ Петрова
В 2-3 вер. стан. „Бѣлые стѣны“ Рязан.-Урал.-Поволж. ж. д. Кочевье, озера, лесъ, мѣста, козель, овцы.
СДАЮТСЯ 20 МЕБЛНР. ДАЧ от 100 до 800 руб.
Мебл. комнаты-санит.
ПРОДАЕТСЯ ЗЕМЛЯ ЧАСТН. от 25 кв. са. с. съ камен. выст. **СОУДЪБАМИ** от 2500 р. до 100 тыс. Смотръ на мѣст. Покр. Нагорск. пер. д. Павлова на 8.

ДОМА, ИМѢНІЯ И ЗЕМЛИ.

По случаю отъѣзда прод. домъ на соб. землѣ. Дох. 3,600, цѣна 32 тыс. Напичк. надо 7 тыс. ост. разсрочить. Вахитовская, Пеглинный пер., д. 3. Дома ежедн. до 12 ч. и отъ 6 ч. в. 10451-3-1

Продается им. дача Брян. ж. д., 1 в., платф. „60“ в., от. Пара 6 в., почт. - тел. отд., телеф., зпт., докт., 13¹/₂ дес., проток, прудъ, лес., покос., зим. дом., 5 кв., хозяйств. жив. и мертв. инвентарь. Усл. на мѣстѣ. Спрос. сторожа платформы. 10388-4-1

Имѣніе

продается Смоленской губ. въ 3 вер. отъ ст. Жел. дор., земли 220 дес., пахота, луга, лесъ, хор. усадьба, инвентарь живой и мертвой, хозяйство въ полномъ ходу. Обращаться: ст. Спичево Моск.-Брест., В. М. Пошлавскому. 10030-3-3

Благоустроенное имѣніе 516 дес.
9706 **СПѢШНО ПРОДАЕТСЯ** 10-7

съ прекрасною усадьбою и полнымъ инвентаремъ Калужской губ., при самой ст. Кирѣвская Ряз.-урал. ж. д. Подробности и условія у инженера Громова въ Смоленскѣ.

ИЩУ въ центральной Россіи имѣніе. Необходимыя условія: лесъ, рѣка, парк, барскій домъ и полный инвентарь. Предл. вад. писем. подъ лит. М. С. въ центр. конт. объявл. Л. и Э. Мещицъ и К., въ Москвѣ. 10476-1-1

усадьбы Люблино с имевшим оригинальную форму креста барским домом, построенным в 1801 году и прелестным парком. Но для Тихомировых дачи в Люблине были дороги — место с 1850-х годов считалось фешенебельным (здесь в разные годы отдыхали летом историк Н. М. Карамзин, писатель Ф. М. Достоевский, городской голова Н. И. Астров) — печатниковские и перервинские дачники ходили сюда только для приятных прогулок.

Перерву дачную с большим юмором описал в одном из своих рассказов А. П. Чехов. Сюжет рассказа такой: один молодой холостяк снял дачу в Перерве, жил на всем готовом у одной дамы и гулял вместе с ней по перервинской роще. Однако при окончательном расчете дама-владелица дачи предъявила ему некоторые претензии, заявив, что совместные прогулки по роще тоже кое-что стоят.

На дачах не только гуляли да пили чай. Всегда заготавливали по нескольку пудов варенья на зиму (100–200 кг). А небогатые дачники, вроде Тихомировых, для экономии брали на откорм поросенка. «Поросенок попался хороший, но жирел очень плохо, о чем мама сетовала, так как приближался август месяц — надо было переезжать в Москву и резать поросенка. Увы, мама не знала о том, что поросенок имел каждый день хороший моцион». Оказывается, будущий академик Миша Тихомиров, воображая себя знаменитым охотником, «приходил

валось веревками. Была и оригинальная традиция «помощи» — «В то время как возчики кряхтели под тяжестью какого-нибудь сундука, дворник вертелся рядом с ними и, поддерживая сундук мизинцем или левой ладошкой, всячески поучал, как надо нести вещи: «Да вы не туда. Да вы не сюда. Да вы поверните налево. Да вы выше, выше». Так командовал дворник, а потом в опустевшей квартире подходил к главе семейства и просил «на чаек» за усердную работу.

Публика побогаче выезжала из своих московских особняков на дачи, которые арендовались из года в год, и где всю зиму оставалась мебель дачников. Из мебели привозили только рояль на специальной подводе. Четыре-пять возов грузились мелкими вещами (здесь были и детские велосипеды, и живые куры, и зонтики, и килограммов 100–200 сахара для варенья) с шести утра. После погрузки, длившейся по 6–10 часов (все необходимые вещи раскладывались на рогах, постеленных во дворе, а потом паковались в тюки), дворник и возчики собирались в кухне, где им полагалась водка и закуска за погрузку, а потом «с Богом» двигались в путь.

После переезда по всему Подмосквовью отмечали первый дачный праздник Николин день (9 мая в XX веке) — уже за городом встречали и принимали гостей. Всей шумной компанией, по традиции, шли к домикам железнодорожных сторожей, а там,

Одним из первых москвичей, занявшихся **дачным бизнесом**, был миллионер Козьма Терентьевич Солдатенков (тот самый, который подарил Москве 2,5 млн руб. на больницу, ныне Боткинскую)

на крытый двор, где помещался поросенок, брал деревянные чурки и швырял их в поросенка, гоняя его во дворе из конца в конец».

Переезд на дачу был одним из ярчайших впечатлений. Обычно он происходил между 1 и 8 мая по старому стилю (13–21 по новому). Это было серьезное дело, близкое к театральному зрелищу.

Заказывали 4–5 возов, куда грузили вещи — начиная от тяжелой мебели и кончая хрупкой посудой. Сверху все покрывалось брезентом и закручи-

под деревьями со свежей листвой, уже стояли столы с самоварами. Дачники захватывали с собой чай, сахар, конфеты, сливки, печенье, и пили со свежесваренным чаем. После 9 мая считалось, что подмосковное лето началось.

Да, благодатная это тема — дачи, природа. И несмотря на то, что с каждым годом глоток свежего подмосковного воздуха в денежном эквиваленте становится все дороже, число потенциальных дачников не уменьшается. На этом постулате «дачеведения», пожалуй, и закончим. **ИИ**

23-Я МЕЖДУНАРОДНАЯ ВЫСТАВКА НЕДВИЖИМОСТИ

ДОМЭКСПО

7-10 ОКТЯБРЯ

ВАШ ПЕРСОНАЛЬНЫЙ
ПРОВОДНИК В МИРЕ
НЕДВИЖИМОСТИ

2010

МОСКВА, ГОСТИНЫЙ ДВОР

ПРИ ПОДДЕРЖКЕ
ПРАВИТЕЛЬСТВА
МОСКВЫ

ОРГАНИЗАТОР

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ
ПОДДЕРЖКА

РОССИЙСКАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ НЕДВИЖИМОСТЬ

ПОКУПКА / ПРОДАЖА / ИНВЕСТИЦИИ

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ПАРТНЕРЫ:

ИНТЕРНЕТ-ПАРТНЕРЫ:

WWW.DOMEXPO.RU